

УДК 343.85
ББК 67.515

С.С. Босхолов,
доктор юридических наук, профессор
Байкальский государственный университет экономики и права
Б.Б. Бадмаева
Байкальский государственный университет экономики и права

О ПОНЯТИИ И КРИТЕРИЯХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ОБОСНОВАННОСТИ ГУМАНИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье предпринята попытка выработать понятие и критерии криминологической обоснованности гуманизации уголовной политики. В этой связи анализируются имеющиеся в научной литературе различные взгляды и подходы ученых-криминологов, осуществляется семантическое исследование терминов, рассматриваемых в качестве критериев криминологической обоснованности гуманизации уголовного законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: права человека; уголовная политика; гуманизация; либерализация; криминологическая обоснованность; гражданское общество.

S.S. Boskholov,
Doctor of Law, Professor
Baikal National University of Economics and Law
B.B. Badmayeva
Baikal National University of Economics and Law

ON THE CONCEPT AND CRITERIA OF CRIMINOLOGICAL SUBSTANTIATION OF HUMANIZING CRIMINAL POLICY

The authors attempt to develop the concept and criteria of criminological substantiation of humanizing criminal policy. To achieve this, they analyze various theoretical approaches and views of different criminologists and conduct the semantic analysis of terms which are considered to be the criteria of criminological substantiation of humanizing criminal legislation and law enforcement.

Key words: human rights; criminal policy; humanization; liberalization; criminological substantiation; civil society.

Уголовное законодательство Российской Федерации и правоприменительная практика прошли уже достаточно большой путь своего становления и развития. И сегодня есть возможность оценить, насколько верно был определен в 1996 г. стратегический курс Российского государства по противодействию преступности, насколько правильными, жизнеспособными оказались выбранные тогда политические установки и правовые начала реформирования уголовного законодательства и достигли ли они поставленных целей и задач. В связи с этим современная уголовная политика, понимаемая как *стратегия и тактика противодействия преступности и иным правонарушениям*, вызывает у ученых-специалистов и практиков неоднозначные, зачастую противоположные (полярные) оценки. С одной стороны, приветствуется ориентация на либерализацию и гуманизацию уголовной политики, которые были поставлены во

главу угла при разработке и принятии нового УК РФ, а впоследствии и при внесении в него тех или иных изменений и дополнений. Другие ученые не только ставят такой подход под сомнение, но и усматривают в нем серьезные негативные последствия.

Так, профессор Э.Ф. Побегайло соглашается с теми авторами, которые считают, что «уголовная политика не может и не должна быть либеральной во время разгула преступности. ... В сфере борьбы с преступностью российский либерализм, как, в частности, и в других сферах общественной жизни (например, экономической) оказался совершенно беспомощным» [11, с. 56]. Столь резкая негативная оценка одного из ведущих ученых-криминологов, безусловно, заслуживает внимания. Еще в начале 90-х гг. прошлого столетия, когда только началась работа над проектом нового УК РФ, Э.Ф. Побегайло отмечал следующую порочную практику

наших законодотворцев: «Создается впечатление, что разработчики проекта УК вообще игнорируют современную криминологическую ситуацию в России. Криминологическая обстановка и уголовно-правовые нормы сосуществуют как бы параллельно, сами для себя. Проигнорирована необходимость квалифицированной криминологической экспертизы проекта, основанной на прогнозе развития ситуации» [12, с. 25]. Иными словами, речь шла о том, что будущий Уголовный кодекс РФ и все последующие его изменения должны быть криминологически обоснованы, т. е. соответствовать реалиям современного состояния общественных отношений (политическим, экономическим, правовым, культурно-нравственным и др.), сложившейся криминальной ситуации, реальным возможностям системы уголовной юстиции противостоять преступности, в том числе ресурсным, организационным, кадровым и другим возможностям.

К сожалению, в этом смысле принятое в 1996 г. новое уголовное законодательство Российской Федерации, несмотря на очевидные его достоинства, о которых немало написано в научной юридической литературе, по большому счету, нельзя отнести к числу криминологически обоснованных.

Политические и иные конъюнктурные соображения, острая внутрифракционная борьба в Государственной Думе, а также и противостояние между научными школами уголовного права и криминологии консервативного и либерального течений, представители которых принимали участие в разработке проекта УК РФ, привели к тому, что новый Уголовный кодекс оказался неким компромиссным вариантом со всеми вытекающими из этого последствиями. Еще более непоследовательной и противоречивой в этом плане оказалась проводимая затем законодательная работа по внесению тех или иных изменений и дополнений в действующее уголовное законодательство.

Следует полагать, что одной из основных причин такой несистемной и не вполне логичной законодательной практики явилось отсутствие в тот период времени серьезных научных разработок концептуального характера, в частности, *о самом понятии криминологической обоснованности уголовной политики*. Предметом активных научных разработок эта тема стала лишь в начале XXI столетия.

Однако и до сих пор она еще не получила должного завершения.

Обратимся в этой связи к научной литературе, где имеется ряд заслуживающих внимания предложений и рекомендаций оптимизации уголовного законодательства в целом, а также его отдельных институтов и норм, совершенствования теории и практики уголовной политики. Так, по мнению Л.В. Быкодыровой, «следует определить общий объем репрессий, которым располагает, с одной стороны, уголовное законодательство, а с другой – практическая уголовная политика. ... Законодатель должен проводить, как минимум, сбалансированную уголовную политику, то есть каждый шаг в направлении повышения строгости одних санкций должен синхронно (без запаздывания) сопровождаться одновременным снижением строгости других санкций» [4, с. 7]. Автор, таким образом, как бы предлагает сконструировать некие юридические весы, на которых можно будет «взвешивать» строгие санкции с нестрогими или менее строгими.

Подход интересный, но практически трудно выполнимый. Если соблюдать баланс между санкциями внутри отдельной нормы УК еще как-то можно, то в остальном... Наверное, можно его достигнуть и внутри какого-либо института УК. А вот применительно к самому уголовному законодательству в целом, к чему призывает Л.В. Быкодырова, вряд ли такое возможно. Тем не менее, предлагаемая ею идея представляется интересной и продуктивной. Во всяком случае – это один из возможных путей решения проблемы избыточности уголовной репрессии, которая как кошмар преследует многие столетия российское государство и общество.

Г.Ф. Маслов предлагает «обратиться к опыту проведения компаративных исследований с привлечением специалистов не только из числа криминалистов и криминологов, но и специалистов иного профиля. Нужно не только использовать знания, накопленные экономистами, политологами, социологами в части разрешения различного рода конфликтов, но и крайне необходимо максимально учесть их требования при разработке концепции уголовной политики» [6, с. 6]. С указанным предложением нельзя не согласиться. Более того, его следует всячески поддерживать. Но при этом возникает вопрос: а кто должен быть инициатором и заказчиком

такого рода компаративных исследований? Проблема еще более актуализируется, когда речь идет именно о концепции уголовной политики, ее доктрины. Представляется, ими могут быть только высшие институты государственной власти РФ: Президент РФ, Правительство РФ и Федеральное Собрание РФ (Государственная Дума и Совет Федерации).

В связи с этим уместно напомнить нашим читателям об известной работе А.Я. Сухарева, А.И. Алексеева и М.П. Журавлева «Основы государственной политики борьбы с преступностью в России. Теоретическая модель», написанной в 1997 г. [13]. Еще тогда они настойчиво предлагали разработать и принять государственную политику (доктрину) борьбы с преступностью в стране. Было понятно, что в работу над данной концепцией были вовлечены специалисты разных профилей, а не только представители уголовно-правовой науки и криминологии. К сожалению, их предложения оказались не услышанными и не востребованными ни президентом, ни правительством и ни парламентом страны.

В 1999 г. автором настоящей статьи была подготовлена «Концепция реформирования уголовной политики», в которой предлагалось Правительству РФ ускорить разработку концепции государственной политики борьбы с преступностью и представить ее на утверждение Президенту РФ [1], но и это предложение также осталось без внимания власти. Полное отсутствие основополагающих начал противодействия преступности привело к тому, что реформирование уголовной политики, в том числе уголовного законодательства и правоприменительной практики, все последующие годы происходило бессистемно, носило ненаучный характер, базировалось на сиюминутных и конъюнктурных соображениях, ограничивалось частными и спорадическими попытками совершенствования отдельных их аспектов и сторон.

Ряд авторов справедливо указывают на то, что «законодатель обязан считаться с экономическими, политическими, социальными, духовными реалиями, а также учитывать закономерности преступности, ее порождения и изменения. ... Должны быть социально и криминологически обоснованы также уголовно-правовые санкции» [5, с. 494].

Профессор С.Ф. Милюков, уже давно и плодотворно занимающийся исследовани-

ем концептуальных проблем противодействия преступности, предлагает свое видение решения данной проблемы. По его мнению, «борьба с преступностью должна носить наступательный характер, не выходя, однако, за рамки правового поля. Само это правовое пространство (прежде всего, нормы уголовного законодательства) должно соответствовать жизненным реалиям и учитывать ближайшие и более отдаленные перспективы развития криминальной обстановки в нашей стране и за ее рубежом» [7]. Исследуя отдельные акты проявления кризиса уголовной политики, связанные с недостаточной криминологической обоснованностью в процессе законодательной регламентации ряда институтов Общей и Особенной части УК РФ, С.Ф. Милюков настойчиво убеждает, что «вопрос о тщательной криминологической экспертизе всех без исключения норм уголовного закона по-прежнему актуален и имеет не только теоретический, но прежде всего сугубо прикладной характер» [7].

О необходимости привлечения ученых-криминологов к реформированию уголовного законодательства говорилось достаточно много не только в научной среде, но и в Государственной Думе РФ, Совете Федерации, обсуждался этот вопрос и в Генеральной прокуратуре РФ. Однако никаких существенных сдвигов в этом направлении, к сожалению, так и не произошло. Многочисленные предложения криминологического сообщества ввести в законодательную практику институт криминологической экспертизы так и не получили должного внимания и отклика, и нет каких-то особых надежд, что получат в ближайшее время [2, с. 7]. В этой связи необходимо отметить следующее: нельзя сводить криминологическую экспертизу к антикоррупционной экспертизе, которая после принятия в декабре 2008 г. Федерального закона «О противодействии коррупции» получила практическое воплощение. Первая гораздо шире второй, она не ограничивается выявлением только коррупционных угроз и рисков, содержащихся в проектах нормативно-правовых актов. В задачу криминологической экспертизы входит выявление и других возможных негативных последствий, в том числе политического, экономического, нравственного характера. Именно криминологическая экспертиза, но отнюдь не антикоррупционная, может дать ответ на вопрос, насколько

обоснованным с указанных позиций является исследуемый нормативно-правовой акт (или его проект), является ли он адекватным реальным возможностям системы уголовной юстиции (органов дознания, следствия, судов) применять его на практике и т. д.

Одной из крупномасштабных реформ уголовного законодательства, как известно, была реформа 8 декабря 2003 г., главную цель которой П.Н. Панченко, А.Н. Штефан и О.Г. Павлов усмотрели в повышении эффективности уголовной политики на основе *ее дальнейшей рационализации, гуманизации и либерализации* (выделено нами. – Авт.) [9, с. 7]. Видимо, они исходили при этом из текста пояснительной записки к проекту данного закона, где гуманизация и либерализация были указаны в качестве основных целей. Конечно же, трудно поставить под сомнение эти важные и по сути дела магистральные направления повышения эффективности уголовной политики. Однако с позиций криминологической обоснованности ряд изменений и дополнений в УК РФ, осуществленных под флагом гуманизации и либерализации уголовной политики, представляется нам совершенно ошибочным. Одним из первых с резкой критикой проводимого в стране либерального курса уголовной политики вновь выступил Э.Ф. Побегайло, который охарактеризовал его как кризис, причиной которого являются неадекватность государственной политики борьбы с преступностью состоянию и тенденциям последней. По его мнению, реформирование уголовного и уголовно-процессуального законодательства и практики их применения в сторону либерализации без дифференцированного подхода к различным категориям преступлений и преступников не сопоставимы с криминологическими реалиями и не имеют под собой достаточной научной основы [12, с. 25]

«Серьезным искажением современной российской уголовной политики... гипертрофированно-либеральным подходом к самой сути этой политики» назвал проводимый либеральный курс в уголовном законодательстве В.С. Овчинский – один из видных ученых-криминологов в области противодействия организованной преступности и коррупции [8].

Основываясь на этих, казалось бы, очевидных взглядах, суждениях и фактах, можно сделать вполне однозначный вывод о том, что

на настоящий период времени применительно к рассматриваемой нами проблеме криминологической обоснованности гуманизации современной уголовной политики сложились две, по крайней мере, диаметрально противоположные, полярные точки зрения. Одна из них, в основном представляющая официальную власть, настойчиво проводит курс на либерализацию и гуманизацию уголовной политики. Другая, состоящая из большой группы представителей юридической науки так называемого консервативного направления, напротив, выступает с резкой критикой этого курса, считает его необоснованным и неверным. Однако это был бы облегченный и не вполне точный вывод. Все обстоит гораздо сложнее. Там, где видится одними исследователями гуманизм и либерализм в современной уголовной политике, другими же, напротив, он категорически отрицается.

В этом плане заслуживает внимания статья Г.И. Богуш «О «гуманизме» и «либерализме» российской уголовной политики», размещенная в Интернете [3]. Автор, в частности, делает вывод о том, что «российская уголовная политика не является в своей основе ни гуманной, ни либеральной». «Соглашаясь с утверждениями о кризисном состоянии уголовной политики, мы не можем признать верным вывод о том, что оно вызвано следованием «либеральной парадигме» или «идеям либерализма», – отмечает далее она. По ее мнению, «общая направленность уголовной политики по-прежнему «не в пользу» человека и его прав. Приоритетом реально осуществляющейся уголовной политики является охрана существующего политического режима, обслуживающей его бюрократии и экономического уклада, справедливо названного Б.В. Волженкиным «государственным номенклатурно-клановым капитализмом». Будучи убежденным сторонником либеральной уголовной политики, Г.И. Богуш прямо отмечает, что в цивилизованном, свободном обществе уголовная политика, как и политика вообще, может быть только *либеральной*.

В данном случае мы столкнулись с извечным спором между либералами и консерваторами, происходящим с незапамятных времен в науке и политике в целом, а также в уголовно-правовой и криминологической науке и уголовной политике в частности.

В рассматриваемой нами проблеме криминологической обоснованности уголовной

политики одним из ключевых слов является *обоснованность*. Обращение к некоторым словарным источникам (Абрамова Н., Ефремовой Т.Ф., Ожегова С.И., Ушакова Д.Н.) показывает, что под этим термином в них, как правило, понимается: аргументированность, мотивированность, убедительность, вескость, доказанность; логичность, продуманность, основательность, резонность, рациональность, закономерность, законность, понятность, рассчитанность, доказательность, состоятельность, обдуманность, оправдываемость, оправданность, последовательность, правомерность. Какой глубокий смысл, оказывается, содержит, казалось бы, на первый взгляд, довольно простой термин «обоснованность»? Попробуем из этого набора понятий отобрать наиболее подходящие именно для криминологической обоснованности гуманизации уголовной политики. Как представляется, к числу таковых можно отнести: *аргументированность, продуманность, рациональность, логичность, понятность, оправданность, последовательность и правомерность*. Эти понятия, на наш взгляд, вполне можно рассматривать как *критерии* криминологической обоснованности гуманизации уголовной политики.

Далее представляется необходимым перейти к семантическому анализу выделенных нами понятий в качестве критериев обоснованности. Содержание понятия «аргументированность» обычно раскрывается через мотивированность, доказательность и обоснованность. По сути, они являются ее синонимами. Отсюда любой акт гуманизации уголовной политики, согласно *критерию аргументированности*, должен быть четко мотивированным, иметь соответствующие обоснования, необходимость его принятия должна быть не на словах, а на деле доказана.

Критерий продуманности предполагает наличие обдуманных, взвешенных, убедительных, рассчитанных и обоснованных данных для гуманизации уголовной политики. Важными синонимами продуманности являются также всесторонность, разумность и основательность. Напротив, антиподом продуманности является спонтанность.

Критерий рациональности (от лат. – *rationality*) означает эффективность деятельности по достижению поставленных целей, т. е. соответствие намерений целям. В самом же широком смысле под рациональностью подра-

зумеваются такие качества, как разумность, осмысленность, противоположность иррациональности. Отсюда уголовная политика, в частности, ее гуманизация должны быть разумными и осмысленными.

Критерий логичности в Словаре русских синонимов раскрывается через такие качественные характеристики, как последовательность, связанность, стройность, разумность, неслучайность, непротиворечивость, обоснованность, закономерность. В плане гуманизации уголовной политики критерию логичности будет отвечать, прежде всего, политика последовательная, разумная, непротиворечивая и закономерная.

Критерий понятности, в содержательном плане, включает в себя такие качества, как разборчивость, ясность, вразумительность, отчетливость, доходчивость, доступность, общепонятность, общедоступность, справедливость, удобоваримость, популярность, прозрачность, объяснимость, очевидность, воспринимаемость, отчетливость, обоснованность, закономерность. Согласно этому критерию проводимая в стране гуманизация уголовной политики может быть понятной государственным органам, обществу и его гражданам только в том случае, если все ее действия в данном направлении ясны, вразумительны, общепонятны, прозрачны, объяснимы и закономерны. Немаловажное значение имеет то обстоятельство, чтобы действия по гуманизации уголовной политики были бы воспринимаемы обществом и поддерживаемы большинством его граждан.

Критерий оправданности подразумевает наличие таких характеристик, как понятность, ясность, вразумительность, реальность, резонность, обоснованность, законность, основательность, правомерность. В предельно сжатом виде гуманизация уголовной политики может считаться оправданной в тех случаях, когда она является ясной, реальной и правомерной.

Критерий последовательности (одно из основных понятий математики) означает логичность, связность, непротиворечивость, последовательность, упорядоченную совокупность чего-то, очередность. Для гуманизации уголовной политики этот критерий имеет крайне важное значение. Не какие-то спонтанные, а строго выверенные, связанные между собой, упорядоченные определенным образом акты и действия могут характеризо-

вать уголовную политику как последовательную.

Наконец, *критерий правомерности*, венчающий собой совокупность требований обоснованности гуманизации уголовной политики как стратегического, базисного направления российской уголовной политики, отличается от других тем, что раскрыть его через какие-то краткие понятия и характеристики оказалось затруднительным. В самом широком смысле под правомерностью понимается соответствие явлений социальной жизни (деятельности или результатов деятельности субъектов права) требованиям и дозволениям, содержащимся в нормах права. Правомерность исключает какое бы то ни было отклонение от предписаний права. Правомерность есть такое свойство всякой деятельности (действий), которое отражает ее правовой (правомерный) характер. Правомерным следует признавать любой поведенческий акт или всякие проявления социальной активности, имеющие правовую природу и вызывающие правовые последствия.

С правомерностью (соответствием праву, закону) должны соизмеряться не только поведение, действия граждан, но и акты, принимаемые государственными органами. С этой точки зрения правомерным (правовым) будет только такой закон, в частности, направленный на гуманизацию уголовной политики, который основан на праве. Важнейшей формой правомерности закона является конституционность, т. е. его соответствие Конституции РФ.

Столь подробная и скрупулезная работа по раскрытию термина *обоснованность* убедительно показывает, насколько он оказался емким и содержательным, какими многими качественными признаками и чертами его можно охарактеризовать и какие еще сложные моменты он представляет в плане его правильного понимания и объяснения. Эта работа представляется нам совершенно полезной и необходимой для того, чтобы перейти, наконец, к выработке определения криминологической обоснованности гуманизации уголовной политики.

Однако перед этим следует разобраться с понятием гуманизации (гуманизма) уголовной политики. Гуманизм (от лат. *humanus* – человеческий, человечный) с точки зрения философии и общественнознания подразумевает исторически изменяющуюся систему

взглядов, воззрений, признающих ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей. Под гуманизмом также понимается и мировоззрение, в центре которого человек как высшая и приоритетная по отношению к себе ценность, но равноправная в ряду других. На последнее обстоятельство следует обратить особое внимание. Гуманизм – это всегда интересы отдельной личности, а не партии, класса, нации или государства.

Этот постулат наиболее полно и ярко отражает служение политики и любой другой общественной деятельности личности, обществу и всему человечеству. Не случайно он возведен в ранг универсального, планетарного принципа. В качестве ведущего принципа он находит отражение в уголовном законодательстве большинства зарубежных стран. Нашел он свое закрепление и в российском уголовном законодательстве. Так, статья 7. Принцип гуманизма гласит:

1. Уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека.

2. Наказание и иные меры уголовно-правового характера, принимаемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Первая часть ст. 7 УК РФ, указывая на обеспечение безопасности как одной из главных целей и задач уголовного закона, как раз и предполагает, на наш взгляд, признание всех основополагающих прав человека, утверждает благо личности как высший критерий оценки любой общественной деятельности, в том числе правоохранительной и правоприменительной. Безопасность человека в этом смысле и является одним из высших благ. При этом для правоприменителя и правосудия не может быть разделения людей по социальному, национальному, религиозному, клановому, кровной родственности или какому-нибудь другому подобному признаку. Принцип гуманизма предполагает равное уважительное отношение как к правам лиц, совершивших преступление, так и к их жертвам. В этом, если хотите, и состоит политическое, общественное, социальное и нравственное (моральное) проявление гуманизма в уголовном праве и уголовном законе.

Применительно к рассматриваемой нами проблеме гуманизации уголовной политики речь идет о формах ее организации, а так-

же целях и содержания. А вот вторая часть ст. 7 УК РФ обращена уже к средствам реализации уголовной политики и, в частности, к наказанию и иным мерам уголовно-правового характера, применяемым в отношении лица, совершившего преступление.

Резюмируя изложенное, можно предложить следующее определение.

Под криминологической обоснованностью

гуманизации уголовной политики следует понимать стратегию и тактику противодействия преступности и иным правонарушениям в целях обеспечения безопасности человека, его прав и свобод, достоинства личности участников уголовного судопроизводства, основанных на критериях аргументированности, продуманности, рациональности, логичности, понятности, оправданности, последовательности и правомерности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Босхолов С.С.* Концепция реформирования уголовной политики. – М., 1999. – С. 53.
2. *Босхолов С.С.* Современная уголовная политика как часть социально-правовой политики государства // Сибирский криминологический журнал. – 2006. – №1 – С.7.
3. *Богущи Г.И.* О «гуманизме» и «либерализме» российской уголовной политики. – URL : [http://sartraccs.ru=Pub/\(08-02-07\).htm](http://sartraccs.ru=Pub/(08-02-07).htm)
4. *Быкодырова Л.В.* Линия законности в уголовной политике и направления дальнейшего совершенствования уголовного законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 1999. – С. 7.
5. Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. *А.И. Долговой*. – М., 2007. – С. 494.
6. *Маслов Г.Ф.* Уголовная политика в России и компаративный подход к ее изучению // Сибирский криминологический журнал. – 2006. – № 3. – С. 6.
7. *Милуков С.Ф.* Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа : монография. – СПб., 2000.
8. *Овчинский В.С.* Преступление и наказание // Завтра. – 2006. – 6 дек.
9. *Панченко П.Н., Штефан А.Н., Павлова О.Г.* Уголовный кодекс Российской Федерации в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 года: основные черты и решения задач оптимизации уголовной политики. – Н. Новгород, 2004. – С. 7
10. *Побегайло Э.Ф.* Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. – 2004. – № 3-4.
11. *Побегайло Э.Ф.* О криминологической обоснованности изменений в Уголовный Кодекс РФ // Российское уголовное право: Традиции, современность, будущее : материалы науч. конф. / под ред. *Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина*. – СПб., 2005. – С. 56.
12. *Побегайло Э.Ф.* Проблемы совершенствования норм Особенной части проекта УК РФ // Проблемы реформы уголовного законодательства Российской Федерации / под ред. *Л.М. Колодкина, Г.М. Миньковского* и др. – М., 1992. – С. 25.
13. *Сухарев А.Я., Алексеев А.И., Журавлев Ю.П.* Основы государственной политики борьбы с преступностью в России. Теоретическая модель. – М., 1997.

REFERENCES

1. *Boskholov S.S.* *Kontseptsiya rephormirovaniya ugovolnoy politiki* [The Concept of Reforming Criminal Policy]. Moscow, 1999, pp. 53.
2. *Boskholov S.S.* *Sibirskij kriminologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Criminology]. 2006, no. 1, pp. 7.
3. *Bogush G.I.* *O «gumanizme» i «liberalizme» rossijskoj ugovolnoj politiki* [On the “humanism” and “liberalism” of Russian criminal policy]. URL : [http://sartraccs.ru=Pub/\(08-02-07\).htm](http://sartraccs.ru=Pub/(08-02-07).htm)
4. *Bykodyrova L.V.* *Liniya zakonnosti v ugovolnoj politike i napravleniya dal'nejshego sovershenstvovaniya ugovolnogo zakonodatel'stva (avtoref. kand. dis.)* [The Line of Lawfulness in Criminal Policy and Further Directions of Improving Criminal Legislation (Cand. Dis. Thesis)]. Stavropol, 1999, pp. 7.
5. *Dolgova A.I.* *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, 2007, pp. 494.
6. *Maslov G.Ph.* *Sibirskij kriminologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Criminology]. 2006, no 3, pp. 6.
7. *Milyukov S.Ph.* *Rossiyskoe ugovolnoe zakonodatel'stvo: opyt kriticheskogo analiza* [Russian Criminal Legislation: an Attempt at Critical Analysis]. Saint-Petersburg, 2000.
8. *Ovchinskij V.S.* *Zavtra* [Tomorrow]. Dec. 6, 2006.

9. Panchenko P.N., Shtephan A.N., Pavlova O.G. *Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Phederatsii v redaktsii Phederal'nogo zakona ot 8 dekabrya 2003 goda: osnovnye cherty i resheniya zadach optimizatsii ugolovnoj politiki* [Criminal Code of the Russian Federation as the Federal Law in Force on Dec. 8, 2003: Main Characteristics and Solutions to the Problems of Optimizing Criminal Policy]. Nizhniy Novgorod, 2004, pp. 7

10. Pobegajlo E.Ph. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law]. 2004, no. 3-4.

11. Pobegajlo E.Ph. *Rossijskoe ugolovnoe pravo: Traditsii, sovremennost', budushchee* [Russian Criminal Law: Traditions, the Present, the Future]. Saint-Petersburg, 2005, pp. 56.

12. Pobegajlo E.Ph. *Problemy rephormy ugolovnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Phederatsii* [Problems of Reforming Criminal Legislation of the Russian Federation]. Moscow, 1992, pp. 25.

13. Sukharev A.Ya., Alekseev A.I., Zhuravlev Yu.P. *Osnovy gosudarstvennoj politiki bor'by s prestupnost'yu v Rossii. Teoreticheskaya model'* [Foundations of the State Policy of Fighting Criminality in Russia. A Theoretical Model]. Moscow, 1997.

Информация об авторах

Босхолов Сергей Семенович (Иркутск) – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, декан факультета гражданского и предпринимательского права. ФГБОУ ВПО «Байкальский государственный университет экономики и права» (664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11)

Бадмаева Баира Ботоевна (Иркутск) – соискатель кафедры уголовного права и криминологии. ФГБОУ ВПО «Байкальский государственный университет экономики и права» (664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11)

Information about the authors

Boskholov, Sergey Semyomovich (Irkutsk) – Doctor of Law, Professor, Honorary Lawyer of the Russian Federation, Dean, Faculty of Civil and Business Law. Baikal National University of Economics and Law (Lenin st., 11, Irkutsk, 664003).

Badmayeva, Baira Botoyevna (Irkutsk) – Ph.D. student, Chair of Criminal Law and Criminology. Baikal National University of Economics and Law (Lenin st., 11, Irkutsk, 664003).